

Николай Александрович Бестужев

Об удовольствиях на море

Николай Бестужев

Об удовольствиях на море

«Public Domain»

1824

Бестужев Н. А.

Об удовольствиях на море / Н. А. Бестужев — «Public Domain», 1824

«Пользуясь впечатлением, которое осталось в вас последним посещением Кронштадта, спешу отвечать на вопрос, сделанный вами прежде: почему я избрал себе скучный род морской службы. Я нарочно ожидал случая, чтобы доказательства мои были подкреплены собственным вашим убеждением; для меня довольно было, что вы видели военный корабль и восхищались его устройством...»

© Бестужев Н. А., 1824

© Public Domain, 1824

Николай Александрович Бестужев

Об удовольствиях на море

*Письмо к****

Пользуясь впечатлением, которое осталось в вас последним посещением Кронштадта, спешу отвечать на вопрос, сделанный вами прежде: почему я избрал себе скучный род морской службы. Я нарочно ожидал случая, чтобы доказательства мои были подкреплены собственным вашим убеждением; для меня довольно было, что вы видели военный корабль и восхищались его устройством. Вам понравилось все на этой плавающей машине; вы признались, что живое чувство неожиданно великого до сих пор наполняет еще ваши мысли приятным воспоминанием. «Но опасности, – говорите вы, – но скука долгого плавания, вечное однообразие предметов, молчанье страстей – красоты нашей жизни не позволяют видеть в службе моряков ничего приятного!»

Послушайте меня – и если вы не согласитесь, что наша служба может быть приятна, по крайней мере я лишний раз поговорю о ней с удовольствием.

Не буду разбирать: судьба или наши наклонности заставляют избирать род службы; жребий мореходца делается в самой юности и в десять лет должно быть записану в морской корпус. Надобно знать, что последние три года пред выпуском кадет посылают на кораблях в море для практики... Сии, возвращаясь осенью из своих походов, рассказывают случившееся, описывают виденное – и юные слушатели, кипя от восторгов, с неизъяснимым чувством ожидают той счастливой минуты, когда успехи в науках и отличие в поведении доставит им случай самим видеть и испытать слышанное от товарищей. Таким образом, с молодых ногтей, еще не быв на море, они заранее с ним знакомы, питают и укрепляют сердце свое заблаговременными повествованиями, и вместе с другими страстями их растет любовь к службе.

Первое прибытие на корабль довершает очарование воображения, которое в сем случае идеалом своим уступает вещественности. В самом деле, никто не вообразит того впечатления, которое производит огромный корабль, плавающий на воде, вооруженный громадою пушек в несколько этажей, снабженный мачтами, превосходящими высочайшие деревья, перепутанный множеством веревок, из коих каждая имеет свое название и назначение, обвешанный парусами, невидными, когда подобраны, и ужасными величиною, когда корабль взмахнет ими как крыльями и птицею полетит бороться с ветрами и волнами. Сотни людей населяют его; для юного сердца он кажется целым плавающим городом. Настают бури; пучина разверзается; корабль стонет, – неопытный юноша смотрит на выражение лиц начальников своих – видит спокойствие, и думает, что буре так быть надобно. Не понимая ужасов, беспечно любит борьбу стихий; они становятся для него предметом любопытства, и, прежде нежели разум его постигнет меру опасности, он уже знакомится с нею, привыкает ее видеть без боязни и хладнокровно уже впоследствии встречает ее.

Таким образом, с самой юности, мореходец вменяет в ничто ужасы природы, и силою привычки он так же беззаботно пускается в море, как вы ложитесь в вашу постелью.

При таком спокойном расположении духа – вы, конечно, поверите – можно найти удовольствие на море; чтобы исчислить их, надобно бы описать всю нашу жизнь корабельную; но, не входя в подробности, я постараюсь начертать легкий ее абрис.

Не распространюсь о том, что, прежде выступления корабля в море, надобно вооружать и оснащать его, что это вооружение имеет свои приятности, ибо каждый, изготовляя корабль, заботится о нем столько же, как бы строил себе дом, с тою только разностью, что соревнование службы и товарищества берут здесь сильное участие в самолюбии каждого. Казалось бы, что общая форма в вооружении всех кораблей должна быть одинакова: но со всем тем каж-

дый корабль некоторым образом носит отпечаток вкуса и сведений того офицера, который его вооружает. Есть тонкости и в этом искусстве, не приметные глазу неопытному, но составляющие красоту форм вооружения, и в сих-то тонкостях заключаются удовольствия моряков, полагающих славу свою, надежды и безопасность в искусстве, с которым приготавливают они корабли к походу.

С выступлением корабля на рейд каждый из офицеров заботится устроить маленькое свое жилище, в котором он располагается всем домом, – вы видели, что младшие живут внизу и днем зажигают там огонь, потому что их жилище под водою. Старшие помещены в так называемой каюте-компании, или общественной, от которой парусная перегородка их отделяет; пушка стоит в каждой каюте, и при малейшем приготовлении к сражению переборки поднимаются, каюты опрастываются, и чистая батарея готова грянуть громом.

В сей-то каюте-компании собираются все служащие на корабле офицеры. Воспитанные в одном месте, как бы дети одной матери, с одинаковыми привычками, одинаким образом мыслей, общество офицеров морской службы отличается тою дружескою связью, тем чистосердечным прямотушием, каких не могут представить другие общества, составленные из людей, с разных сторон пришедших. Между сими людьми сердце каждого отдыхает от трудов, им понесенных, и деятельная жизнь корабельная дает полное право веселиться в минуты отдыха. Одни играют в карты, другие занимаются музыкою, иногда общая веселость уступает место вниманию при поучительных повествованиях. Рассуждения практические и тактические оживляют умы, искры противоречия освещают истину; но никогда не зажигают пламенника вражды и раздора. Поверите ли вы, что от создания российского флота у нас между флотскими не было ни одной дуэли?

Конечно, человеку постороннему на корабле, а следственно и праздному, жизнь наша покажется единообразна. Установленное для занятий время, положенные часы обеда, ужина и пр., число удовольствий ограниченное, и самые удовольствия слишком простые, потому что заключаются не во внешних предметах, переменою своею ласкающих чувства прихотливых любимцев счастья, но в наших сердцах, в чувствованиях, не всегда и не всякому понятных. Например, как изъяснить удовольствие сидеть за столом, где двадцать человек офицеров различных характеров и склонностей, но проникнутых каким-то общим духом, представляют семейственную картину и общими силами стремятся ко взаимному удовольствию. Живость характера одних в противоположности с флегмою других, радость надежд юности и воспоминания опытности, все это вместе действует на душу, принимающую участие в беседе тихим, но приятным образом. Конечно, математическая, точная жизнь наша делает и характер наш будто холодным и равнодушным, но поверьте мне, что человек, рожденный с пылким сердцем, силою привычки принимающий равнодушие, не переменит своих чувствований; только образ выражения его будет иной; поверьте, что равнодушный человек не есть еще хладнокровный и что между тем и другим такая же разница, как между текучею и стоячею водами, льдом покрытыми; наружный вид обоих одинаков, но одна промерзает до самого дна, другая не перестает течь и журчать под своим непроницаемым покровом. Конечно, служба наша, требующая несмигаемого надзора за непостоянною стихиею, – надзора, от которого зависит жизнь нескольких сот людей, внушая порядок в образе мыслей и поступков, не дает времени воображению подстрекать страстей наших: зато она сохраняет к случаю всю живость их и ощущение, ими производимое, неизъяснимо приятнее в наших сердцах, нежели в тех, которые, опустив узду страстей своих, несутся вскачь на поприще жизни и падают, не добежав меты. Не смотрите на скромный, иногда застенчивый вид мореходца, который делает его оригинальным и даже странным в обществе, – ежели вы не судите людей по наружности, дайте ему руку и поговорите с ним. Ежели вы захотите блеснуть умом большого света – он будет отвечать здраво, но скажет мало, потому что ему редки были случаи развернуть свои дарования и сделать их блестящими в свете; но ежели разговор ваш пойдет от сердца, вы увидите человека рассудительного,

который не бросится в ваши объятия с уверениями, но в продолжении времени поступками своими докажет, что не даром загорается огонь в глазах его при имени любви и дружбы. Не то железо горячо к ощущению, от которого брызжут искры, но то, которого поверхность уже темнеть начинает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.